

Т.Б. Щепанская

ТРАДИЦИОННАЯ МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ КОНЦА XX — НАЧАЛА XXI В. (по наблюдениям в Новгородской области)

Тема статьи связана с экспедиционно-исследовательской деятельностью МАЭ РАН в области изучения традиционной материальной культуры Северо-Запада европейской части Российской Федерации. Музей антропологии и этнографии Российской академии наук осуществляет не только хранение и экспонирование предметов материальной культуры. Важной составляющей его деятельности является работа по изучению функционирования предметов непосредственно в среде их бытования, связанных с ними традиционных практик, механизмов воспроизводства самих вещей и технологий их изготовления. С этой целью МАЭ осуществляет этнографические экспедиции, совершенствуя методики фиксации данных, их использования в научной, образовательной, музейно-экспозиционной и выставочной работе.

Отбивка кос в постаграрной деревне: case study и сопоставление

В Архиве МАЭ РАН хранятся полевые дневники Е.Э. Бломквист [АМАЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9], составленные в этнографической экспедиции 1922 г. в Мологский уезд Ярославской губернии. В нем, в частности, представлены зарисовки нескольких разновидностей приспособлений для отбивки кос, сделанные на маршруте экспедиции по р. Мологе и Сити — в деревнях Гузеево, Коростель, Пестово. Эти зарисовки привлекли мое внимание возможностью сопоставления с современными этнографическими наблюдениями той же практики (отбивки кос). Какова судьба традиционной материальной культуры — вещей и практик — в условиях не только технологических, но и социальных изменений? Каковы каналы ее сохранения и логика трансформации?

В 2012–2014 гг. автор и Е.В. Самойлова (в то время н.с. ФЭЦ СПб ГК, сотрудничавшая с МАЭ РАН) вели полевые исследования в Мошенском районе Новгородской области, расположенном в 60–100 км севернее маршрута

экспедиции Е.Э. Бломквист, что позволяло надеяться на сопоставимость сведений. Тогда же в д. Высокогорье мы познакомились с мастером по отбивке кос Виктором Петровичем Ч. (1946 г.р.). Нам его отрекомендовали как единственного, кто в окрестностях с. Мошенского может сделать косовище (по-местному *ратка*) для косы-литовки и отбить косу. Позже сам Виктор Петрович сообщил о другом мастере по отбивке кос — из д. Лянино, примерно в 3,5 км от Высокогорья по прямой или в 5 км по пешеходным дорогам.

Косовище для распространенной в этих местах косы-литовки делается из ствола молодой ели с естественным отростком — это будет *плечевой палец* для упора на левое плечо; на самой ратке, примерно посередине, второй небольшой *палец* — токарная вставка, которая торчит из косовища и обхватывается во время косьбы правой рукой. Его расположение определяется по росту косца, так, чтобы палец был ровно на уровне пупка косца, когда пятка косы стоит на земле. «Тогда коса стоит на земле, а ты стоишь ровно. [Если] палец ниже — приходится сгибаться», — говорил Иван.

Поэтому косовище изготавливают индивидуально, соразмеряя с ростом каждого заказчика. Подобная **антропологическая** выверенность размеров (адаптация к размерам **тела**: *под руку* или *по росту*) характерна для сельскохозяйственных орудий традиционного типа. Отсюда и необходимость их изготовления индивидуально для каждого косца, и высокая степень идентификации, переходящая в нежелание передавать свое орудие другому человеку: « — Вы эту косу никому не давайте, скажите — она у меня не отбита, отбивать несусь; отговорка такая, — напутствовал мастер, вручая мне насаженную на новое косовище и свежотбитую косу. — Скажите, косили, затупили ее о камень. — Почему? — А всякое может быть: и испортить могут, некоторые специально даже...» [ПМА, с. Мошенское, 22.07.2012]. Характерная ситуация: когда мы пришли к мастеру заказать косовище, у него не оказалось заготовок (болел и не ходил в лес), продать нам одну из своих готовых кос он не соглашался. Потом вынес старенькую косу покойной жены, которой он не косил (так как она для него короткая и легкая), но и ее продать не решался. Наконец, примерил к моему росту, снял лезвие, переделал по моему росту косовище так, чтобы нижний палец оказался на уровне моего пупка. Только после этого занялся отбивкой и непосредственной подготовкой косы к работе. Особым образом В.П. вымеряет захват — угол лезвия косы (опорой при этом служит угол сарая), когда она насаживается на косовище. Для прочности в конец *ратки* у пятки косы вгоняется клин, чтобы режущая часть не слетела и не разболталась во время работы. Тем, кто не знает этого приема, по словам мастера, приходится перед работой всякий раз размачивать конец ратки, чтобы она разбухла.

Прямая соотнесенность неиндустриально произведенных вещей с телесными и иными качествами человека отмечается в философско-антропологических [Верле 2013: 20] и семиотических [Топоров 1993: 70–94] исследованиях материальной культуры. Вот и в нашем случае: заранее мастер делает лишь заготовки косовищ, а уже насаживает косу индивидуально под заказ. Адаптируется под рост и силы каждого заказчика и сама коса — женщинам рекомендуют не больше «семерки» (иначе будет тяжело косить), мужчинам хороша и «девятка», а подросткам делали косы шестого или пятого размера. Соответственно, мужская коса позволяла косить более производительно (охватывая большую площадь в единицу времени). «У хорошего хозяина несколько разных кос для

разного вида травы, — объяснял нам Иван, житель д. Гоночарово. — Чем ниже трава, тем длиннее лезвие косы, потому что махать небольшой косой по мелкой траве — неразумно расходовать силу: ты махнул косой — ничего не поддел. А если большая трава, то большой косой будет тяжело, вот такую траву, как у нас — одиннадцатой невозможно. Потому кос было много. Потому что косили семьей, пятеркой косили дети. Женские косы меньше» [ПМА, с. Мошенское, 12.08.2012]. Материальная культура запечатлевала таким образом **половозрастную** структуру сельского общества, эта связь до сих пор просматривается в виде своеобразных этических норм. Так, когда я просила научить меня отбивать косы или точить (*лопатить*) их, мастер отговаривал меня: это не для женщин, потому что очень опасно (точно так же, впрочем, он отговаривал меня пользоваться бензопилой), попроси — тебе любой мужик поможет. Если пользование острыми орудиями «прилично» для обоих полов, то их подготовка к работе — исключительно мужское занятие: если этим займется женщина — то это нехорошо (воспринимается с осуждением) не только для самой женщины, но и для мужчин, которые такое допустили, не предложив ей помощь.

Обратим внимание на еще один — **миграционный** — контекст описываемой практики. Виктор Петрович живет в здешней местности с 1980-х годов, но до приезда сюда, как он сам говорит, вся его жизнь прошла «на колесах», в переездах от Урала до Краснодарского края, Архангельска, Хвойной и т.д. Уместно задаться вопросом: насколько умения и знания этого мастера соответствуют локальной традиции? В пользу этого может свидетельствовать его обучение у местного умельца: когда В.П. только начинал обживать в Высокогорье, женился, а после настойчивых уговоров жены научился отбивать косы у местного старичка.

Можно также сопоставить материальные атрибуты его ремесла с тем, что известно по архивным материалам. В дневниках Е.Э. Бломквист есть несколь-

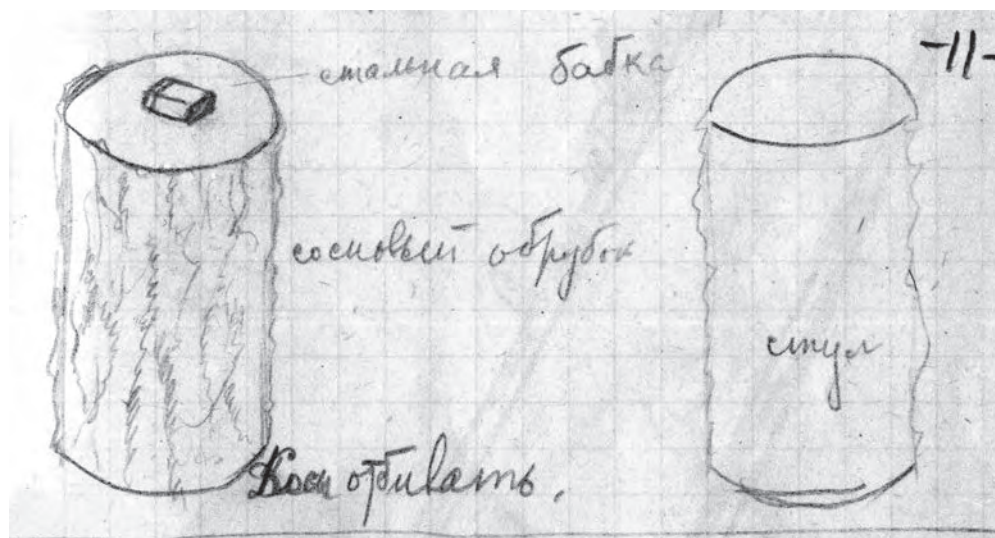

Рис. 1. Приспособление для отбивки кос: бревно с бабкой. Д. Гузеево, Топалковский вол. Зарисовка из полевого дневника Е.Э. Бломквист. 1922 г. АМАЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9. Л. 6

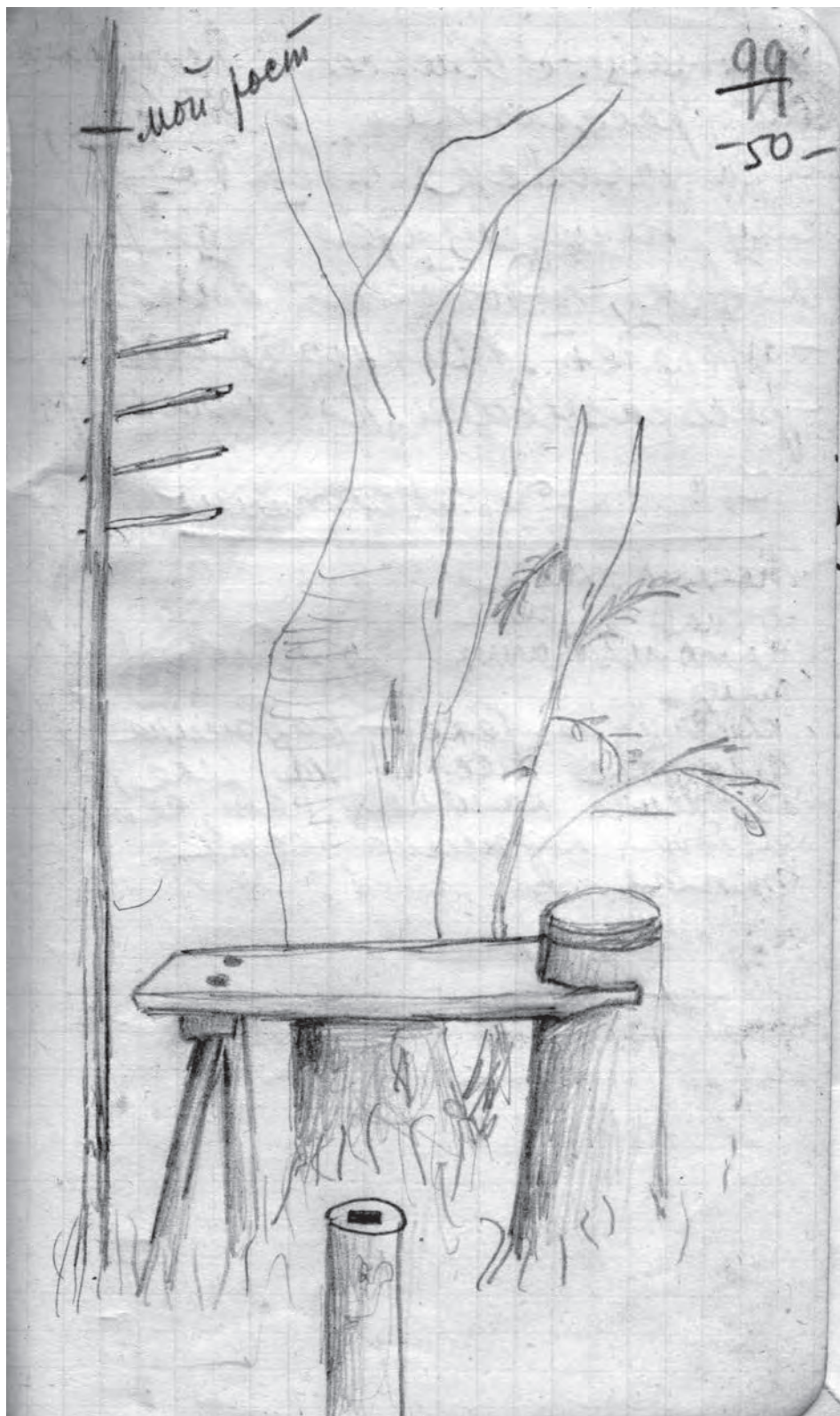

Рис. 2. Приспособление для отбивки кос: бревно с бабкой, скамья, шест с поперечными сучками. Д. Коростель. Зарисовка из полевого дневника Е.Э. Блоквист. 1922 г. АМАЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9. Л. 49

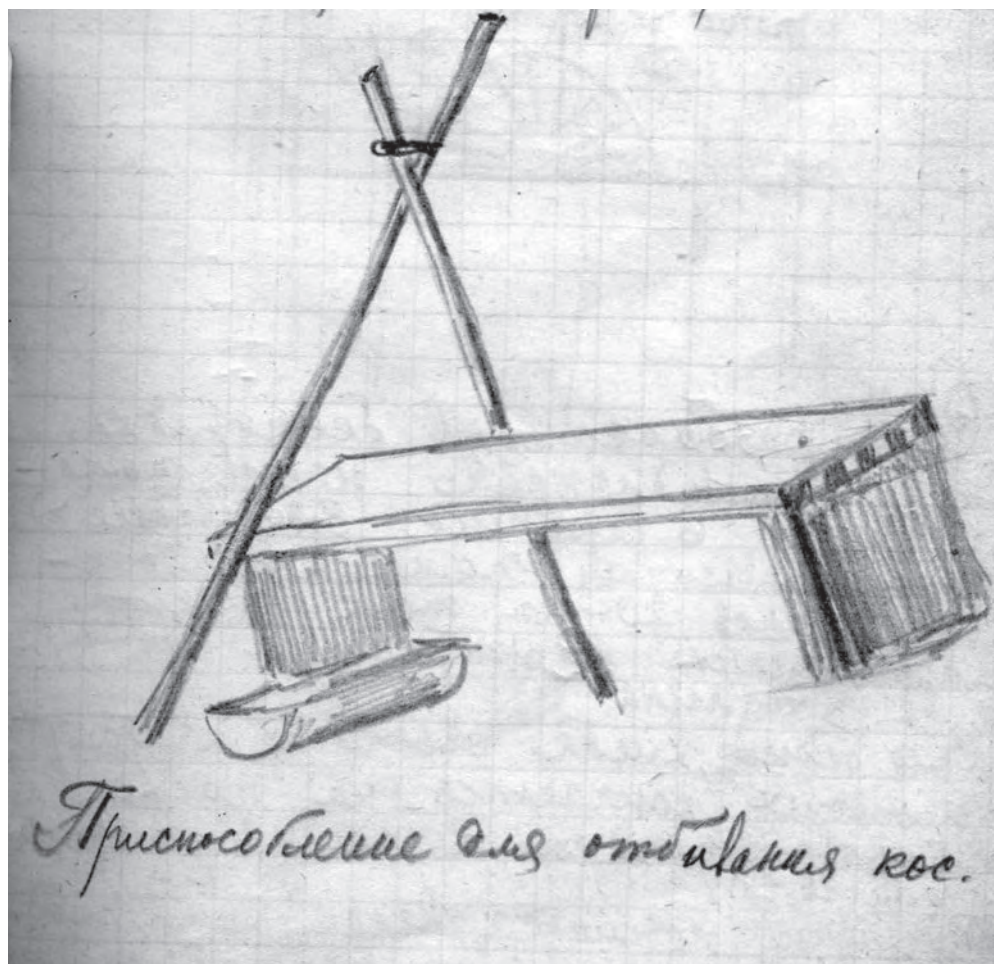

Рис. 3. Приспособление для отбивки кос. Внизу видно корытце для смачивания бойка. С. Пестово. Зарисовка из полевого дневника Е.Э. Бломквист. 1922 г. АМАЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9. Л. 23

ко зарисовок приспособлений для отбивания кос (см. рис. 1–3). Я послала фотографии этих зарисовок Е.В. Самойловой, которая в тот момент находилась в Мошенском районе, и попросила показать их нашему мастеру. Он вначале решил, что это зарисовки автора настоящей статьи. Одно из изображений (бревно с бабкой из д. Гузеево, рис. 1) мастер идентифицировал как зарисовку своего приспособления: «— Это же как у меня! Это она с меня рисовала! Пенек и в ём “бабка”. И второй — стул. — (Е. Самойлова): — Так у Вас ведь ведро перевернуто, а тут пень. — Да к то же самое, какая разница?!» [ПМА, с. Мошенское. 22.09.2013]. Интересно, что мастер идентифицирует приспособление как «свое», ориентируясь не на точное совпадение форм, а скорее на идентичность технологий отбивки, запечатленных в форме.

Другие рисунки (рис. 2, 3) он опознал как архаические, но тоже как «свои», предположив, что это из соседних деревень: «— О! Это старина, — заявил В.П. о приспособлении (рис. 2), зафиксированном Е.Э. Бломквист в деревне Коростель (на р. Сить). — Я уже не захватил. Там еще ставится жердина сбоку: дырки

насверлены и сучки набиты... Это она в Лянино (деревня примерно в 5 км от дома мастера. — Т.Щ.) видела? Там? Я где-то видел такую жердину. (Е.С.): — А для чего жердина? — Для косовища. Удобно, с левой руки косовище торчит. Это чтобы нацеплять косовище. — (Е.С.): А разная высота сучков? — Чтобы угол регулировать: повыше, пониже. У меня, видишь, цепь для этого приспособлена». Мастер распознает прежде всего функциональное назначение представленных на рисунках приспособлений, проводит параллели со своими: вместо жерди с прибитыми сучками-мерками у него цепь, сложенная в петлю (куда кладется при отбивке косы косовище), а вместо выдолбленного корытца для воды (рис. 3, с. Пестово ныне Тверской обл.), в которое погружают время о времени *бой*, — металлический цилиндр от тракторного подшипника [ПМА, с. Мошенское. 22.09.2013]. Мастер тут же продемонстрировал свои приспособления: бревно с бабкой и металлический сосуд из подшипника (рис. 4а).

Сопоставление наших полевых наблюдений, опыта современного мастера и архивных зарисовок первой трети XX в., на наш взгляд, свидетельствует о варьировании традиции (ее материальных атрибутов) не только во времени. Приспособления для отбивки кос, как мы видим, различались и в зарисовках одного и того же периода и в близкой локальной традиции (по Мологе и Сити). Однако их функциональные элементы современный мастер распознает безошибочно, а один из вариантов просто идентифицирует как «свой». На наш взгляд, это свидетельствует о том, что его ремесло не выпадает (в его представлении как минимум) из локальной традиции, насколько мы можем ее проследить, он легко прочитывает местные варианты этой традиции, даже удаленные во времени.

Миграционный контекст обнаруживается и при анализе спроса на услуги этого мастера, по существу, востребованности традиционной технологии.

(а)

(б)

Рис. 4. Приспособления для отбивки кос мастера из Мошенского района.

Фото автора:

- (а) бревно с бабкою и сосудом для воды, сделанным из тракторного подшипника;
(б) чурбак с вбитой бабкой для отбивки кос

Рис. 5. Мастер за отбивкою косы. Д. Высокогорье, Мошенской р-н Новгородской обл., 2012 г. Фото автора

Косьба травы — одно из занятий, не ушедших из повседневности современного сельского населения. Однако область применения его значительно изменилась. В попавших в поле зрения деревнях скотина в личном подсобном хозяйстве стала редкостью. Ушли в прошлое конфликты из-за участков для сенокоса. Косят уже не для заготовки сена для скота, а для обеспечения опрятного вида участка. За невыкошенный участок на видном месте в райцентре можно получить общественное порицание. Большинство сельчан пользуются бензиновыми триммерами, причем это вряд ли обусловлено недостатком информации о способах ухода за ручной косой. Так, к услугам сельских жителей и дачников сайты, публикующие, в частности, весьма подробные описания кос, способов их выбора, отбивки и заточки (см., например: [Секрет дачи]). Однако бензотриммеры уверенно доминируют, несмотря на тяжесть, шум и угнетение роста травы за счет эффекта мульчирования. Последнее обстоятельство, возможно, еще усиливает их привлекательность в условиях, когда трава становится не ценностью, а помехой.

К услугам мастера по изготовлению и отбивке ручных кос прибегают (по его свидетельствам) жители соседних домов и ближних деревень (относящиеся к наименее обеспеченной страте), сезонные мигранты-«дачники», мигранты — приезжие с Северного Кавказа, которые нанимаются на разовые работы, в том числе покосить траву на участках высокостатусных жителей районного центра. Традиционная технология смещается в маргинальные и периферийные области социальной структуры.

Анализ приведенного случая с отбивкою кос ставит нас перед вопросом об изменениях предметов материальной культуры и связанных с ними практик. Он непосредственно связан с анализом процессов, в которые вовлечена материальная культура, — контекстов, без исследования которых невозможно понять эти изменения.

Изменения материальной культуры в контексте миграции и модернизации

Модернизация. Если говорить о судьбах традиционной материальной культуры в современном селе, то в первую очередь в глаза бросается, конечно, тенденция к ее модернизации. Некоторые сферы материальной культуры, такие как традиционная одежда, как кажется, вовсе ушли из повседневности, функционируя только в практике фольклорных ансамблей и перейдя практически полностью в область мемориальной культуры (см. об этом далее в разделе «Мемориализация»). Элементы традиционного комплекса сохраняются в функционировании жилища, с его внутренней обстановкой и утварью. Но и здесь заметны тенденции к модернизации на уровне бытовой культуры.

Так, дома в деревне в целом сохраняют свою архитектурную структуру (пятистенок с перерубом, внутренней стенкой, отделяющей сени; распространены и четырехстенки, к которым пристраиваются трехстенные конструкции: сени с кладовкою под одной крышей; к ним в ряд примыкает двор (хозяйственная пристройка), причем его крыша кроется отдельно, образуя ступень (ниже крыши основного строения). В д. Тушово мы зафиксировали дома, где русская печь находится в ближнем от входа углу справа и где она стоит слева от входа. Для обогрева ставят еще печь-щитовку (часто с плитой для приготовления пищи) и/или круглую металлическую печь-голландку. Голландка и щитовка дают быстрое тепло, их используют, когда надо быстро протопить и обогреть жилище. Русская печь требует долгого протапливания, чтобы толстый слой кирпичей прогрелся и начал отдавать тепло, зато она хранит тепло более суток даже в холодное время года, и обычно ее топят не каждый день. Трубы от обеих печей выводятся в общий дымоход, выстроенный из кирпичей с поворотом — *боровом*. Раз в два года боров чистят, разбирая кирпичи сверху, через это отверстие прочищают и трубу русской печи, чтобы скопившаяся сажа не образовывала стекловидные тела, закрывающие дымоход. Поэтому в то время, когда топят одну печь, другая не топится, так как ее дымоход должен быть закрыт (чтобы дым от топящейся печи не несло в дом).

В настоящее время наблюдаются две тенденции. Первая: разламывать и убирать из дома русскую печь (она занимает много места, ее трудно протопить, а нетопленная печь представляет собою большую массу холодного камня, охлаждающего весь дом). Вторая: выводить трубы от обеих печей через разные дымоходы, для чего пробивают дополнительное отверстие в крыше и спрямляют трубу русской печи, убирая боров.

Изменение отопительной системы также обнаруживает миграционный контекст. В наших материалах оно связано с изменением статуса дома: когда он переходит во владение «дачников» (так здесь определяют сезонно проживающих приезжих из городов — Санкт-Петербурга, Мурманска, Боровичей, в основном пенсионеров) или используется местными жителями для времен-

ного проживания или огородничества (как дополнительное или сезонное жилище). Иными словами, здесь обнаруживается связь с сезонной рекреативной миграцией, пенсионной миграцией, в том числе возвратной — возвращением в сельскую местность, на родину, из городов после завершения трудовой биографии. По масштабу эта миграция может быть межрегиональной, реже внутриобластной и даже внутрирайонной (когда жители райцентра — села Мошенского — навещают свои дома в деревнях для ведения ЛПХ или заготовительных работ).

Владелица дома в Тушово (петербурженка, использующая его только в теплое время года) сломала свою печь потому, что внешняя стена дома, прилежавшая к русской печи, стала подгнивать и бревна выпучились наружу. Это может быть обусловлено перепадами температур из-за слишком близкого расположения печи к стене, но, вероятно, усугубляется еще и нерегулярным протапливанием, характерным для сезонного проживания. В этом случае избавление от русской печи было вынужденным и связано с миграционным (под дачу) использованием строения. В соседнем доме, где хозяйка также проживает сезонно, русская печь имеется, но давно не используется, так как, по словам хозяйки, дом все равно зимой не протопить, а печь своей холодной массой только усугубляет проблему. Отсюда намерение хозяйки тоже разобрать свою печь. Любопытно, что сезонные жители — «дачники» — задают своеобразный стандарт, и русские печи по их примеру разбирают теперь и многие местные жители. Для приготовления пищи они все больше используют газовые плиты, а для обогрева — печи-щитовки, голландки или котловую систему.

Русская печь — важнейший элемент организации пространства русской избы как в хозяйственном, так и в коммуникативном плане. В исследовании А.В. Степанова показано, как даже при сохранении русской печи просто переориентация ее устья коренным образом меняет организацию пространственного распределения повседневных практик в севернорусском (он приводит примеры вологодского) жилище [Степанов 2012: 76–78]. Мы, проводя много времени в новгородской деревне, наблюдали, как с разбором в домах русской печи возникают последствия и в других сферах — в области пищевых и праздничных традиций. Для приготовления пищи в современных сельских домах в данной местности пользуются газовыми плитами (на привозном газе в баллонах) или плитой, приставленной к малой печке-щитовке (она быстрее протапливается). Однако в праздники это вызывает некоторое сожаление. 10 августа д. Тушово отмечает свой праздник — День Смоленской иконы Божьей Матери. Жители — и постоянные, и «дачники», — собираются в доме у единственной оставшейся постоянной жительницы, закупая продукты в складчину. Готовят угощения хозяйка дома и ее дочь (приезжающая на время отпуска). Но русскую печь не используют, так как у нее сломан *под* и, в частности, поэтому не испечь пироги и не поставить в печь чугунок.

«Пирогам не пахнет, так и праздника нет», — посетовала дочь хозяйки, когда гости собрались за столом. Тут-то присутствующие и стали жаловаться, что у одной из них печь разломана, другая ее давно не топят. Наперебой стали вспоминать, какие вкусные блюда из русской печи: раньше любили печь пироги-рыбники, в которые на слой теста укладывали слои лука, каши, а на них целую рыбину. Рыбу до сих пор ловят в окрестных озерах, а вот рыбников

больше в этой деревне не пекут [ПМА, с. Мошенское, 10.08.2012]. Фактически уничтожение печи не только изменило праздничное меню (во время домашнего коллективного застолья в День деревни подавали блюда из курицы, салаты, борщ, приготовленные в складчину как по местным, так и по «ленинградским» рецептам), но и стало стимулом к коллективной работе памяти — припоминанию старинных блюд, приготовление которых связано с русской печью. Вспомнили, как прежде готовили *помазанники* или *пряженики* (старшая дочь одной из «дачниц» рассказала, что готовили их в печи, поставив на чугун, в котором в печи кипела весь день вода) [ПМА, 10.08.2012].

Приготовление традиционной пищи было зафиксировано нами во время общественных праздников (Дня села в с. Устреке и Дня района в с. Мошенском) уже как публичное мероприятие. Проводятся праздничные конкурсы домашней выпечки. Таким образом, меняется институциональный контекст приготовления и функционирования традиционной пищи: она перемещается из семейно-домашней в публичную сферу, все в большей степени приобретая символическую ценность как маркер локальной идентичности, знак или средство достижения/демонстрации достаточно высокого статуса и т.д. Та хозяйка, у которой сохранилась русская печь, получает важное и престижное поручение испечь пироги для общего застолья, либо женщины собираются у нее накануне и пекут пироги совместно. Наличие в доме печи может стать и основанием для решения выбрать его в качестве места общественного празднования (в небольшой деревне или отдельном конце деревни).

Другое направление модернизации традиционного жилища — устройство водопровода от скважины или колодца в дом. Постоянные жители прокладывают шланги на глубине 1,5–2 м от поверхности земли (ниже точки промерзания — примерно 1 м), сезонным жителям, по их мнению, достаточно летнего водопровода. В округе работают бригады, предлагающие услуги по «рытью колодцев и септиков», «бурению скважин» и прокладке водопровода «под ключ». Как правило, они пользуются экскаваторами или бурильными машинами. Однако в деревнях есть и специалисты, которые ищут воду, опираясь на интуицию, с помощью рамки, а колодцы копают вручную силами двух человек. Впрочем, в настоящее время такие услуги не находят спроса.

Ощущается некоторое давление со стороны местных жителей, склоняющих к проведению работ по модернизации деревенского дома. Когда мы подходили к старому дому, выбранному под полевую базу, то сопровождавший нас местный житель сказал, указав на высокий шест: «Въедете, купите телевизор, повесите антенну и будете смотреть». Настоятельно советовали оклеить стены обоями и поставить, как все остальные, газовую плиту (которая осталась от прежних хозяев). Узнав, что мы готовим пищу в русской печке, высказали предположение: это вам вначале интересно, а потом перейдете на баллонный газ. Вообще известие, что мы готовим в русской печи, неизменно вызывало у постоянных жителей смешанную реакцию: с одной стороны, одобрение и ностальгические воспоминания о том, какие «вкусные блюда из русской печи», а с другой — отношение к этому как к некоторой уже экзотике. Похоже, что использование русской печи (а вместе с нею и печной утвари, и многих прочих предметов традиционной материальной культуры) становится либо уделом маргиналов, либо экзотической практикой, развлечением приезжих из города.

Делокализация воспроизводства материальной культуры

Еще одна тенденция, которую мы отметили в связи с современными судьбами традиционной материальной культуры, — изменение условий ее воспроизводства. Кто те мастера, которые обеспечивают ее сохранение, ремонт, производство новых вещей по традиционным образцам? Таких мастеров, как и следовало ожидать, становится все меньше. За время нашего исследования мы столкнулись с необходимостью отремонтировать русскую печь (была трещина в трубе и теле печи), поправить оконную раму (сгнила средняя перегородка и выпало одно из стекол) и отбить косу (а затем и сделать для нее рукоятку — косовище).

Печку отремонтировал печник из соседней д. Гоночарово (этнический русский, в 1993 г. переехал из г. Андижана, Республика Узбекистан; до этого в райцентр по оргнабору переехали его мать и брат с женой).

Поиски плотника, который смог бы отремонтировать раму, долгое время не давали результата: единственный, кого удалось отыскать, работник ЖКХ, предлагал поставить вместо старинных рам стеклопакеты. Да и то сетовал на то, что у наших окошек нестандартные размеры и форма (с арочным завершением сверху). Наконец, после того как о нашей проблеме стало известно многим жителям окрестных деревень, они отыскали бригаду, состоявшую из отца и сына, переселенцев из Кыргызской Республики, которые осуществили требуемый ремонт.

Наконец, отбивает косы и делает косовища в соответствии с местными традициями только один мастер, к которому мы ходили в д. Высокогорье, родом с Урала, работавший до приезда в Мошенский район в Крыму, Ростове, Архангельской и Хвойнинском районе Новгородской области.

Это возвращает наше внимание к миграционному контексту современных практик бытования традиционной материальной культуры. Во всех трех случаях, когда требовалось умение отремонтировать старые вещи и знание традиционных технологий, мы сталкивались с предложениями модернизации, замены старинных новыми технологиями и материалами. Мастеров же, владеющих традиционными техниками, найти было непросто, и во всех этих случаях мы нашли их среди мигрантов. Это кажется парадоксальным, но случайно ли это?

Традиционная материальная культура (вместе со способами ее изготовления и ремонта) уходит из сферы общепринятого в область маргинального (приобретая статус «старых» и ветхих вещей, «хлама»), если модернизировать дом в соответствии с новыми технологиями для хозяев «дорого». И мастера, которых мы нашли, — люди, приехавшие из других мест, не имеющие постоянной официальной работы, пока не вписавшиеся в местный мейнстрим (здесь это заказы на те самые стеклопакеты, газовые плиты и водопровод). Вероятно, этим — маргинализацией самих старых вещей и связанных с ними практик — и объясняется делокализация их воспроизводства (в данном случае их воспроизводство силами мигрантов и вытеснение из практик местных уроженцев).

Следует отметить, что, наряду с маргинализацией традиционных предметов материальной культуры, наблюдается и противоположная тенденция их элитизации. Например, печное дело не вытесняется из повседневности, но в ряде случаев оценивается на порядок дороже. Скажем, ремонт русской печки

местным мастером (известным в райцентре) для нас превратил бы эту печь в предмет роскоши, что и происходит, вероятно, со многими предметами традиционной материальной культуры, когда они выходят из повседневного употребления, становятся сначала редкостью, потом экзотикой, а потом и роскошью, доступной только жителям с относительно высоким доходом. Традиционные вещи и технологии становятся необязательными, а потому зачастую рассматриваются большинством населения как излишества (как русская печь, если есть газ).

Маргинализация и элитизация — по сути, два полюса процесса вытеснения вещи из сферы повседневности.

Мобильность вещей

В ходе социальных взаимодействий обретают мобильность некоторые предметы материальной культуры, и не только в связи с переездами. Один из каналов перемещения — обменные отношения между жителями в сочетании с обычаями взаимопомощи.

Одна из разновидностей такой мобильности связана с асимметрией в материальном оснащении постоянных и сезонных жителей. С одной стороны, подарки (обычно небольшие) со стороны городских дачников и выполнение заказов что-нибудь привезти из города служат эффективной формой их интеграции в сельское сообщество. С другой стороны, осваивающие деревенский дом горожане обнаруживают зачастую отсутствие необходимой утвари и включаются в местные формы взаимопомощи. Так, используя русскую печь в доме, послужившем нам базой, мы обнаружили, что нечем доставать из печи горшки: не было ухватов. Посетовали на это в присутствии жителя соседней деревни, и он обещал поискать. Вскоре соседи начали приносить нам предметы, которые в городе называют «сковородники» (рукоятку с крючком-прихваткой, цепляющейся за край сковороды). Оказалось, что здесь именно эту вещь называют *ухват*, а то, что требовалось нам, здесь называется *рогач*. Как только выяснилось это лингвистическое недоразумение, нам принесли сразу несколько замечательных рогачей разного диаметра под разные чугуны и горшочки. Печная утварь, как говорят, у многих лежит без дела, потому что хозяева стали разбирать в домах русские печки, чтобы освободить место: «Им не нужно, а вам/нам пригодится», — так местные жители формулируют принцип перераспределения вещей, уходящих из общего употребления, перераспределяемых между стратами и т.п.

Жители всегда с готовностью откликаются на просьбы такого рода, предлагая то, что «все равно не нужно». Однако надо отдавать себе отчет в том, что, приняв такой дар, нужно искать повод отблагодарить, оказав по возможности какую-нибудь ответную услугу. В деревне весьма распространены подобного рода реципрокные отношения, и вещи довольно часто играют в них роль медиатора. Вещи, выходящие из употребления (те, которые в этнографической литературе определяются как «традиционные»), также нередко оказываются в этой роли, перемещаясь из тех домов, где они «уже все равно не нужны» к новым хозяевам.

Еще одна форма мобильности вещей связана с вторичным использованием предметов утвари, строительных деталей и другого, взятых из заброшенных

деревенских домов. Эта тема также косвенно связана с миграционным поведением. Долгое время остаются пустыми и начинают разрушаться дома, принадлежащие сменившим место жительства, уехавшим из деревни местным жителям, сезонным жителям — «дачникам», наконец, оставленные пустыми после кончины хозяев. Время от времени хозяев пытаются разыскивать администрация сельского поселения, давая объявление в районную газету, а если хозяин не обнаруживается, дом может быть признан выморочным и выставлен на торги (которые, впрочем, нередко оказываются несостоявшимися из-за отсутствия участников).

В разговорах местных жителей между собой и с «дачниками» часто возникает еще одна тема, также связанная с перемещением вещей: о «лазунах» (тех, кто «лазит по домам» в отсутствие хозяев), в разговорах их чаще называют просто «они». Дачникам советуют, уезжая, не оставлять в доме ничего ценного, потому что «они», «если захотят, все равно залезут». Сложились и определенные формы взаимодействия между постоянными жителями и «дачниками», базирующиеся на подобных представлениях. Так, ценные вещи (электроинструмент и др.) советуют оставлять на хранение местным жителям. В каждой деревне есть, как правило, такой «хранитель». Также оставляют у местных в подвале на зиму картошку и другие овощи, если не увозят их в город. Свой подвал в покинутых на всю зиму домах обычно промерзает. Хранение расценивается как важная для сезонных жителей услуга, значимый элемент реципрокных отношений (дачники, в свою очередь, летом подвозят хранителей на своих автомашинах, участвуют в коллективных формах взаимопомощи во время огородных работ, привозят из города дефицитные в селе инструменты, продукты и т.п.).

Говоря о «лазунах», вспоминают недавнее происшествие, когда осенью из домов, используемых сезонно, неизвестные вытащили предметы мебели — старинную полочку для посуды и шкаф. Жители деревни подозревали проезжих чужаков: «Ведь это же надо было машину, чтоб такую тяжесть увезти!»

В то же время заброшенные дома и хозяйственные постройки, которых много по деревням, становятся для местных жителей источником строительных материалов (например, половых досок или оконных рам) и различных деталей (от дверных и оконных петель, щеколд, задвижек до крепежа и кованых гвоздей, которые, вытащив из сгнивших бревен, выпрямляют и снова пускают в дело). Легитимность подобного вторичного использования основывается на знании, в каком доме «живут», а какой давно брошен и пустует, местные обладают этим знанием, в отличие от проезжих. Монополия прав постоянных жителей на вторичное использование материалов из заброшенных домов поддерживается и рассказами, выполняющими функцию предостережения, например о том, что в пустых домах заводятся некие существа, известные как «лосиные вошки». Так, житель соседней деревни искал в полуразрушенном доме металлические полочки для небольшого ремонта: «Пока лазил, там было видимо-невидимо лосиных вшей — как паучки, мелкие-мелкие и бегают быстро-быстро», они напрыгивают, «отложат свои семена, на шее такие бугорки, потом ничем не вывести. Но вреда от них никакого нет, они не кусают» [ПМА, Мошенское. 18.09. 2012].

Вторичное использование старых элементов из заброшенных и разрушающихся домов дает возможность продлить жизнь традиционных жилищ, все еще используемых жителями. Многие детали традиционного дома, особенно кованая фурнитура, крепеж и прочее, давно не производятся, кузницы закры-

ты, даже ремонт старинных оконных рам практически никто не занимается.

Использование заброшенных выморочных строений в качестве источника строительного сырья и материалов легитимируется, однако, только для местных (постоянных) жителей, но проникновение в дома, даже пустующие, единодушно осуждается, если этим занимаются чужаки. Пугающие рассказы о лосиных вшах и тому подобном выступают в качестве подкрепления этой позиции.

Переоценка через семиозис

Вытеснение из сферы повседневного бытования, снижение утилитарной значимости вещей оборачивается повышением их, по выражению А.К. Байбурина, семиотического статуса [Байбурин 1981: 215–226]. Разными гранями этого процесса могут быть мемориализация предметов материальной культуры (их перемещение в сферу практик и институтов социальной памяти), экзотизация и эстетизация. Во всех этих случаях семиотический статус преобладает над утилитарной значимостью вещи. Обратим внимание на институциональные рамки этого перехода.

Наиболее привычный и устоявшийся контекст репрезентации предметов «традиционной культуры» — **образовательный**: от школьных уроков краеведения, школьных музеев, заданий принести для них старинные вещи или записать рассказы о них представителей старшего поколения семьи до изучения ремесел в детских школах искусств и студиях народных ремесел не только для детей, но и для взрослых. Такие студии рассматриваются организаторами не только как формы организации досуга, но и как эффективный инструмент «изучения, овладения традиционными народными ремеслами и передачи их следующим поколениям», — как пишет руководитель одной из самых известных в Новгороде студий обучения взрослых «Новгородская береста» [Ярыш 2011: 137], т.е. собственно память, запечатленная в материальных вещах, становится целью и смыслом их сохранения. По мере того как традиционные формы материальной культуры выходят из повседневного обихода, меняется их форма, порядок использования и воспроизводства.

Предметы материальной культуры, маркированные (теми же образовательными учреждениями) как «традиционные», перемещаются также в контекст институтов культурной **памяти**, в первую очередь музеев (государственных краеведческих, школьных, частных, экспозиций старых вещей в библиотеках, клубах, Домах культуры). Мемориализация материальной культуры сопровождается и ее экзотизацией. Предметы (утварь, атрибуты ремесел, культа, а также случайные находки вроде старинных бутылок или монет), утратившие практическое значение, начинают восприниматься как редкие и экзотические. Экзотизация может просматриваться в рассказах экскурсоводов, особенно для приезжих гостей и детей, когда они обретают прагматическую установку на то, чтобы заинтересовать, привлечь внимание посетителей. Развитие сельского и этнотуризма должно способствовать развитию этой тенденции.

Наконец, характерна **эстетизация** предметов традиционной культуры. И.А. Морозов и И.С. Слепцова пишут об артификации отходов и старых вещей: превращении их в предметы искусства [Морозов, Слепцова 2017: 110–111]. Это может относиться и к объектам традиционной материальной культуры,

вышедшим из обихода и тем самым оказавшимся в статусе рухляди — вторичных ресурсов. Проявлением ее в музейном контексте служит уже сам отбор для экспонирования богато декорированных образцов, украшенных резьбой или росписью, ярких экземпляров. По этим же образцам работают и разного рода кружки и студии народных промыслов и ремесел, также усиливая декоративный элемент. Вещи — фрагменты традиционного быта становятся предметом внимания профессиональных художников. Так, в с. Мошенском, в Клубе-музее традиционной народной культуры, в апреле 2013 г. состоялась выставка картин «Мир уходящих вещей». В «Ночь музеев» 18 мая, как написано на сайте Мошенского района, «работники музея пригласили посетителей на конкурс загадок “Служить перестали — загадкой стали”, угадывали названия предметов старинного обихода и рассказывали об их предназначении <...> Желающие с удовольствием пили ароматный чай из самовара с пышными блинами. Музей посетило 27 человек» [Мошенской район 2013]. Примечательно, что традиционная пища, перекочевав из домашнего бытового контекста, включается в практики коллективной памяти (здесь — воспоминаний в игровой форме названий и функций старинных вещей). Так же и вещи, попавшие в музей, перемещаются из первоначального мемориального контекста в художественный.

Мастера, владеющие навыками эстетической репрезентации «традиции», получают возможность сменить статус деревенских ремесленников (оказывающих услуги на базе неформальных, в значительной мере реципрокных отношений) на статус работников образования, культуры (постоянное место работы в госучреждении либо частный бизнес), и характер изделий все более удаляется от утилитарных нужд. Те же, кто лучше всех уловил и сумел претворить в жизнь эту тенденцию, получают статус «народный мастер», участвуют в художественных выставках уже не только на уровне своих муниципальных образований, но и на межрайонном или областном уровне: продолжается уже отмеченная нами тенденция делокализации воспроизводства традиций в области материальной культуры.

Эстетизации способствуют институциональные рамки, в которые помещены эти промыслы и ремесла. Так, статус «народный мастер» присваивается Союзом художников России, а принятие в действительные члены этого творческого союза выступает одной из высших форм признания мастера народных ремесел [Ярыш 136].

Сельские конкурсы и праздники

Тенденция перевода предметов материальной культуры из бытовой в семиотическую сферу своеобразно реализуется локальными институтами. Среди них отметим проводимые на уровне сельского района или отдельного поселения конкурсы и праздники.

Администрацией Мошенского муниципального района (как, впрочем, и многих других сельских районов и поселений РФ) проводятся конкурсы на лучшее подворье, в немалой степени определяющие публичную репрезентацию традиционной материальной культуры в рамках форм эстетизации, которые мы бы назвали самодетельными. Следует, однако, учитывать влияние адресованных владельцам подворий и дач изданий и учреждений культуры.

В контексте этих конкурсов становится понятной распространившаяся (особенно среди сравнительно обеспеченных жителей села, работников администрации, культуры, торговли) мода украшать приусадебные участки изделиями декоративного назначения: фигурами людей и животных из дерева, пластиковых бутылок, различных подручных материалов. В этих композициях находят свое место старинные (зачастую уже непригодные к практическому использованию) предметы: горшки и чугуны, деревянные корытца и плетеные короба, украшающие заборы или служащие своеобразными вазонами для цветов. На усадьбах в качестве декоративных элементов мне приходилось видеть и тележные колеса, и сами старые телеги. Характерно, что вещи, наряду с продукцией огородничества и садоводства, включаются в композиции, представляющие антропо- и зооморфных персонажей (нередко апеллирующих к фольклору: Баба-яга, Русалка, Лесовичок и т.п.), а также жанровые сценки с их участием. В районной газете «Уверские зори», где подводились итоги очередного конкурса «Сельское подворье — 2012», опубликована фотография образцов продукции приусадебных хозяйств, представленных на конкурс: «Чего здесь только не было! — пишет корреспондент. — Огромные тыквы восседали на столах, как купчихи...» [Александрова 2012:4]. Антропоморфная метафора, использованная корреспондентом районной газеты, отражает ту форму, в которой участники конкурса представляли результаты своих трудов: на опубликованной тут же фотографии овощи оформлены в виде антропо- и зооморфных фигурок, декорированы «глазками» и «носиками», облачены в наряды, шляпы и обувь, представляя то мужичков-лесовичков, то жуков и черепашек, то гусениц, лесных зверей и т.п. Проводятся и другие подобные конкурсы, вовлекающие различные категории населения, например конкурс «Ветеранское подворье» для пенсионеров [Андреева 2012: 3], соревнования для школьников, участников детских летних лагерей.

Сельские праздники — еще одна форма репрезентации материальной культуры в подобном стиле. Зоо- и антропоморфизация продукции традиционных форм хозяйства была весьма широко представлена и на выставочных площадках сельских поселений в День Мошенского района (приурочен ко дню празднования Преображения Господня). Предметы традиционной материальной культуры (плетенные из лозы, лыка, драни корзины, короба, обувь; домотканые изделия, старые горшки и т.п.) использовались в этих композициях в качестве декоративных элементов (шляп, голов, обуви, одежды представленных персонажей). Руководство подготовкой к подобным мероприятиям (Дню района, Дням отдельных сельских поселений) лежит, как правило, на работниках культуры (клубов, библиотек) и образования. Нередко сюда переносятся эстетика и техники изготовления, характерные для детских кружков (фольклорной игрушки, флористики) или уроков трудового обучения. Это еще одна институциональная рамка, в которую перемещаются элементы традиционной материальной культуры, постепенно выходящие или вышедшие из обихода.

В результате эстетизации — профессиональной или самодеятельной — предметы материальной культуры, как и вся сфера традиции, становится коллективным достоянием, ценностью, средством репрезентации локальной и этнической идентичности. Изменяется и ее адресат: это уже не только носители локальной традиции, но и внешние потребители искусства (в статус которого теперь переводятся старые вещи) как культурного продукта: посетители музеев

и праздничных мероприятий, туристы, приезжие гости — как просто родня или знакомые местных жителей, так и приглашенные гости различных учреждений и местной администрации. Эстетизация вещей означает установку на присутствие внешнего взгляда, намерение некоторым образом повлиять на осматривающего, его восприятие «нас» и «нашей местности», т.е. это установка на конструирование определенного впечатления с точки зрения внешнего наблюдателя. Таким образом, традиционные вещи включаются в практики привлечения внешнего наблюдателя как подтверждение определенного образа, соответствующего представлениям местных (скорее, власти и интеллигенции) о себе, т.е. как репрезентации складывающейся коллективной локальной идентичности.

Библиография

Байбурин А.К. Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология. Л.: Наука, 1981. С. 215–226. (Сборник МАЭ. Т. XXXVII).

Верле А.В. «Не наша вещь»: философские заметки к исторической антропологии идентичности // Метаморфозы истории. 2013. Вып. 4. С. 12–29.

Морозов И.А., Слепцова И.С. Искусство обновления форм: скрытые знаки традиции и ее движущие силы // Этнографическое обозрение. 2017. № 1. С. 109–122.

Степанов А. Севернорусская изба: динамика пространства и повседневный опыт (вторая половина XX — начало XXI в.) // Антропологический форум online. 2012. № 16. С. 72–102. <<http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/016online/stepanov.pdf>> (дата обращения: 20.05.2016).

Топоров В.Н. Вещь в антропоцентрической перспективе // *Aequinox*. М., 1993. С. 70–94.

Ярыш В.И. Проблемы организации студийной работы с взрослыми по обучению традиционными народными ремёслам в Новгородской области // Культурное обозрение. Информационно-аналитический сборник. Великий Новгород, 2011. № 3. С. 127–138.

Источники

Александрова И. Вести из п. Октябрьский. Постарались на славу // Уверские зори. 19.10.2012. С. 4.

Андреева И. Не поддаются старости // Уверские зори. 19.10.2012. С. 3.

Бломквист Е.Э. Дневник экспедиции. Мологский у. Ярославской губ. Автограф. 15.07.07.08.1922 г. // АМАЭ. Ф. 10. Оп. 1. № 9. 53 л.

Мошенской район — официальный сайт Мошенского муниципального района <http://www.moshensk.ru/news_6.html> (дата обращения: 27.05.2013).

Секрет дачи: дачные идеи и опыт садоводов <http://secretdach.ru/umelets/831_kosa_i_kosba.html> (дата обращения: 26.05.2016).

ПМА, с. Мошенское — полевые материалы автора: дневники и записи интервью во время поездок и временного проживания в Мошенском районе Новгородской обл. в 2011–2014 гг. Ряд поездок и записей осуществлены совместно с н.с. ФЭЦ ГК им. Н.А. Римского Корсакова Е.В. Самойловой.